

Яков Слещов-Крымский

БЕЛЫЙ КРЫМ

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.161.1-94
ББК 84 (2 Рос=Рус)6-44
С47

Художественное оформление *Александра Воробьева*
Предисловие *Владимира Черкасова-Георгиевского*

Слащов-Крымский Яков Александрович
С47 Белый Крым / Яков Слащов-Крымский; предисл.
В.Г. Черкасова-Георгиевского — Москва : Издательство
АСТ, 2025. — 320 с.; илл. (Фронтовой дневник)

ISBN 978-5-17-180134-2

Генерал Яков Слащов — человек удивительной судьбы, получивший множество наград за военные операции во время Первой мировой и Гражданской войны. В 1919–1920 г. прославился храбростью и мужеством при обороне Крыма, за что получил от П. Врангеля титул «Крымский». Сам по себе Слащов был фигурой противоречивой: за талант военачальника его называли «генерал Яша», за проявленную жестокость — вешателем и палачом. Недаром его образ привлек внимание М. Булгакова, который в своей пьесе «Бег» вывел образ Слащова сразу в двух героях — Хлудове и Чарноте.

После конфликта с П. Врангелем и эвакуации Слащов неожиданно вернулся в Советскую Россию и перешел на сторону большевиков. Он стал преподавателем тактики на курсах «Выстрел» — «полевой академии» для комсостава. Среди его учеников были будущие маршалы А. Василевский и Р. Малиновский.

В своей книге Я.А. Слащов подробно рассказал о победах и поражениях Белого движения в Крыму, разгроме Добровольческой армии, блестящих военных операциях, о главнокомандующих А. Деникине и П. Врангеле и об отношениях с последним.

УДК 821.161.1-94
ББК 84 (2 Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-180134-2

© В.Г. Черкасов-Георгиевский,
предисловие, 2025
© ООО «Издательство АСТ»

Великолепный и зловещий генерал Слащов-Крымский

Это, возможно, самая удивительная воинская судьба того времени. Потомственный дворянин Яков Александрович Слащов, бывший элитарный «павлон», преподаватель Пажеского корпуса, стал дважды георгиевским кавалером на Великой войне. В Белом движении он генералом удостоился титула «Крымский» от главкома П.Н. Врангеля за талантливую оборону полуострова. Перейдя на сторону большевиков, Слащов прославился как превосходный преподаватель курсов «Выстрел» — «полевой академии» для комсостава, но его публично убили в Москве.

Российские зрители знают образ генерала Слащова в эмиграции по фильму «Бег», снятому в 1970 году по пьесе М.А. Булгакова. Писатель «раздвоил» многогранного, противоречивого Слащова на главных героев — генералов Хлудова и Чарноту. По фильму в мрачно-сосредоточенном Хлудове мы видим «вешателя», расплачивающегося душевными муками за свою беспощадность на Гражданской войне. В Чарноте — слащовские удалство, порывистость и беззаветную отвагу перед всем на свете. С Чарнотой отлично смотрится его верная подруга-ординарец; ее прототип — служившая рядом со Слащовым Нина как «юнкер Нечволодов». Она — его жена во втором браке Нина Николаевна Нечволодова, участвовавшая в кавалерийских атаках, стрелявшая из пулемета. Нина имела два Георгиевских креста с Великой войны, боевые ранения.

На самом деле генерал Слащов был белым генералом и при эвакуации из Крыма по описанию очевидца выглядел так: «На палубе “Ильи Муромца» появился высокий, бравый генерал, молодой, румяный, полнолицый. Белая папаха лихо сидела на его голове, красные шаровары горели на солнце; расставил широко крепкие ноги в высоких сапогах, белый ментик свисал с плеча».

Яков Слещов происходил из дворян Санкт-Петербургской губернии. Его дед прослужил в армии 35 лет до подполковника, был на русско-турецкой войне 1828–1829 годов и участвовал в подавлении польского восстания 1830–1831 годов. Занимал должность полицеймейстера при Сиротском институте императора Николая I. Отец Якова тоже выслужил подполковника, он окончил Николаевское инженерное училище, в 1877 году командирован в Румынию, где был полицеймейстером города Тульча. В отставке являлся помещиком Петербургской губернии.

Яков, родившийся 12 (24) декабря 1885 года в Санкт-Петербурге, в 1903 году окончил реальное училище. Затем поступил юнкером в престижное Павловское военное училище («павлоны»), откуда был выпущен подпоручиком в лейб-гвардии Финляндский полк. В 1911 году Я. Слещов окончил Николаевскую военную академию. 5 ноября 1912 года был командирован в Пажеский корпус, где преподавал тактику. Здесь в 1913 году выходит в свет первая научная работа штабс-капитана Слещова «Ночные действия». В ней он обосновывает преимущества и успех войск, подготовленных к ночному виду боя. С того времени талантливый офицер ведет свои исследования для будущих теоретических работ по военному искусству. Большинство их будет опубликовано им в Советской России с 1922 по 1929 год.

На Первой мировой Я. Слещов воевал в родном лейб-гвардии Финляндском полку. С ним он крепко связан и потому, что в 1909 году женился на Софье — дочери его командира генерала В.А. Козлова. От этого брака в 1915 году у них родится дочь Вера, которая вместе с матерью уедет во Францию в 1920 году.

На той войне Слещов был дважды контужен и пять раз ранен. Ордена Святого Георгия 4-й степени и Георгиевского оружия он был удостоен за контратаки, которые смогли переломить обстановку на поле боя. В 1916 году Я.А. Слещов был уже в чине полковника. К 1917 году он помощник командира Финляндского полка. 14 июля 1917 года назначен командующим Московским гвардейским полком, каковую должность занимал до декабря.

С 18 января 1918 года начинается Белая эпопея полковника Слещова, когда он прибыл в Новочеркасск. Верховный руководитель Добровольческой армии генерал М.В. Алексеев посылает его эмиссаром на Северный Кавказ для создания отрядов антибольшевистского воинства. Один из них, в пять тысяч человек, сформированный из кубанских казаков станицы Баталпашинской и прилегающего района, возглавил есаул из местных А.Г. Шкуро, который станет знаменитым белым генералом. Полковник Слещов принял должность начальника штаба этого формирования. Затем разросшийся отряд преобразовали во 2-ю Кубанскую казачью дивизию, штаб которой по-прежнему возглавлял Яков Александрович.

В апреле 1919 года полковник Слещов произведен в генерал-майоры с назначением начальником 5-й пехотной дивизии. С ноября 1919 года он командует 3-м армейским корпусом на левом фланге Вооруженных сил Юга России (ВСЮР) генерала А.И. Деникина против петлюровцев и махновцев. В декабре корпус Слещова направлен оборонять Северную Таврию и Крым. На него не возлагали особых надежд — всего 2200 штыков и 1300 сабель, 32 орудия. Однако генерал сумел переломить ситуацию на всем фронте. Слещов не стал укрепляться на Перекопском перешейке, связующем Крымский полуостров и материк. Он пропустил красных вглубь Крыма и внезапно атаковал! Слещовский корпус в составе менее 4 тысяч пехотинцев, кавалеристов отбросил 40-тысячное войско большевиков. У генерала была классическая тактическая выучка Николаевской военной академии и большой фронтовой опыт. Он отличался своим фирменным полководческим стилем — активной обороной.

Слещовская оборона продлила Гражданскую войну еще на год. Искусно маневрировавший резервами и «оседлавший» перешейки Слещов в течение зимы-весны 1920 года отбил все попытки 13-й армии красных прорваться в Крым. Успешные действия его корпуса, за стойкость получившего от главкома Деникина наименование «Крымский», позволили переправить с Северного Кавказа на полуостров главные силы оставшихся белогвардейских войск.

Победы генерала Слащова во многом обеспечил его волевой характер. «Крым был наводнен шайками людей, которые жили за счет населения, грабили его. Учета не было никакого, паника была полная. Каждый мечтал только о том, чтобы побольше нагрabить, а затем сесть на судно или раствориться», — писал впоследствии Яков Александрович о тамошней обстановке. Посему первый приказ Слащова в Крыму гласил: «Вступил в командование войсками, защищающими Крым. Объявляю всем, что пока я команду войсками — из Крыма не уйду и ставлю защиту Крыма вопросом не только долга, но и чести». Его приказы публиковались в газетах и расклеивались листовками. В них он напрямую обращался и к гражданскому населению. В приказе от 31 декабря 1919 года генерал прямо указывает: «... Мне необходимо оздоровление тыла. Я прошу граждан помочь мне. (...) Мешающим, ... наносящим вред борцам за Русь Святую, говорю заранее... бессознательность и преступный элемент к добру не поведут. Пока берегитесь, а не послушаетесь — не упрекайте за преждевременную смерть».

Слащов расстреливал и вешал сотнями — как большевиков, так и собственных проворовавшихся интендантов, дезертиров и мародеров. Ходила поговорка: «От расстрелов идет дым — то Слащов спасает Крым». Он был язвительен, однажды на надоевшие запросы губернатора об исходе боя отправил в Симферополь ему телеграмму: «Красную сволочь разбил, тыловая сволочь может слезать с чемоданов».

Слащов лично водил свой конвой в сабельные атаки в конном строю, а юнкеров — в «психические» атаки в полный рост под военный оркестр. Однажды он рассказал приехавшему к нему певцу А. Вертинскому: «Пока у меня хватит семечек, Перекопа не дам!» «А почему семечек?» «Иду в атаку с семечками в руке! Это развлекает и успокаивает моих мальчиков!» Слащова любили в войсках и по-свойски прозвали Генерал Яша. На этой войне Я.А. Слащов снова был не раз ранен, контужен, тяжелое огнестрельное ранение в живот оставило незаживающую фистулу, болевшую постоянно. Он переносил недомога-

ния в строю, поэтому стал как болеутоляющее колоть морфий, затем употреблять кокаин.

Главком П.Н. Врангель, сменивший А.И. Деникина на этом посту в апреле 1920 года, произвел Слащова в генерал-лейтенанты. Однако такое врангелевское отношение к Слащову было недолгим. После перегруппировки сил Врангель приказал Слащову силами его корпуса провести десантную операцию. В начале июня 1920 года тот пересек Азовское море и овладел Мелитополем. Но в дальнейших боях под Каховкой слащовский корпус понес большие потери. На этой почве произошел конфликт генерала с главнокомандующим, и Слащов подал рапорт с просьбой об отставке, которая была принята. Чтобы не возникало нежелательной реакции на удаление популярного генерала, Врангель в своем приказе указал на необходимость Слащову «ввиду страшного переутомления» «отойти на время на покой». И далее приказал «...дорогому сердцу русских воинов — генералу Слащову именоваться впредь Слащов-Крымский». Так называли только князя В.М. Долгорукова, покорившего Крым в Русско-турецкую войну 1768–1774 годов. Так же почетно именовали и светлейшего князя Г.А. Потёмкина за его руководство устройством Крыма — Таврический.

В своих мемуарах П.Н. Врангель объяснил происшедшее так: «Хороший строевой офицер, генерал Слащов... с горстью людей, среди общего развала, отстоял Крым. Однако полная, вне всякого контроля, самостоятельность, сознание безнаказанности окончательно вскружили ему голову... Не довольствуясь уже ролью строевого начальника, он стремился влиять на общую политическую работу, засыпал Ставку всевозможными проектами и предположениями, одно другого сумбурнее, настаивал на смене целого ряда других начальников, требовал привлечения к работе казавшихся ему выдающимися лиц».

Генерал Слащов в мемуарах оценил Врангеля по-своему: «Он не мог терпеть вокруг себя людей с собственной волей и приближал льстецов, не говорящих неприятности. Точно так же он не мог терпеть ореола популярности около кого бы то ни было, кроме себя. Но самое страшное —

полное неумение Врангеля управлять частями на широком фронте, отсутствие стратегического мышления». Слещов также был недоволен соглашением Врангеля о взаимопомощи с Антантой, как противоречившим главной идее Белого движения о «Великой, Единой и Неделимой России».

После отставки Я.А. Слещов собирал материалы по истории защиты Крыма, которые вошли в этот сборник. В 1924 году в СССР он издаст их книгой «Крым в 1920 г. Отрывки из воспоминаний». Закончить Слещову эту работу в Крыму помешало наступление Красной армии 28 октября 1920 года. Оборона белых 8 ноября была прорвана, но главному Врангелю удалось быстро оттянуть войска к портам и эвакуировать их из Крыма. В общей сложности почти 150 тысяч человек покинули его вместе с врангелевской армией.

В эмиграции генерал Слещов жил с женой в Константинополе, открыто осуждал генерала П.Н. Врангеля и его штаб, за что по приговору «суда чести» был уволен от службы без права ношения мундира. В ответ в январе 1921 года Слещов издал книгу «Требую суда общества и гласности. Оборона и сдача Крыма (Мемуары и документы)», которая тоже вошла в этот сборник. «Константинопольская брошюра» написана им непримиримо. По Слещову, в ноябре 1920 года белым следовало продолжать войну, а не эвакуироваться. С такой точки зрения Слещов считал Врангеля несостоятельным главнокомом и призывал «общество» отказать ему в доверии на будущее.

3 ноября 1921 года ВЦИК РСФСР объявил амнистию участникам Белого движения. Слещов в Константинополе вступил в переговоры с советскими властями и был амнистирован. Он обратился с воззванием к белым за границей:

«С 1918 года льется русская кровь в междоусобной войне. Все называли себя борцами за народ. Правительство белых оказалось несостоятельным и не поддержанным народом — белые были побеждены и бежали... Советская власть есть единственная власть, представляющая Россию и ее народ. Я, Слещов-Крымский, зову вас, офицеры и солдаты, подчиниться советской власти и вернуться

на родину. В противном случае вы окажетесь наемниками иностранного капитала и, что еще хуже, наемниками против своей родины, своего родного народа».

В Москве Я.А. Слещова сначала назначили преподавателем Военной академии РККА. На занятиях он резко высказывался, например, о том, что у Красной армии не было стратегии, как это понимается военной наукой. Отдельные блестящие операции, он говорил, надо рассматривать лишь как результат таланта командиров. Из сей академии такого лектора удалили. С 1922 года Я. А. Слещов стал преподавателем (а с 1924 года — главным руководителем) тактики в Высшей тактически-стрелковой школе командного состава РККА (высшие офицерские курсы «Выстрел»). Судя по его статьям в периодической печати («Лозунги русского патриотизма на службе Франции», «Врангелевщина» и др.), он разочаровался в Белой идее. Преподавал Слещов как знаток военной науки, великолепно анализировал, но не жалел язвительности, разбирая операции красных войск. На его лекциях всегда было полно народу, и напряжение в аудитории было порой как в бою, вспоминал потом советский генерал армии П.И. Батов. Многие командиры-слушатели сами сражались с врангелевцами. Среди учеников Слещова были и будущие маршалы А.М. Василевский, Р.Я. Малиновский, Ф.И. Толбухин.

Статьи и книги по тактике и военной истории Я.А. Слещов публиковал каждый год. Подготовил к печати солидный труд «Мысли по вопросам общей тактики», опубликованный после его гибели. В те годы он прекратил употреблять наркотики, но выпивал и накоротке в застольях говорил: «Красные — мои враги, но они сделали главное — мое дело: возродили великую Россию! А как они ее назвали — мне на это плевать!» Его жена, Нина Нечволодова, руководила у курсантов драмкружком. В 1925 году Яков Александрович снялся в фильме «Врангель» в роли себя самого.

11 января 1929 года Яков Слещов был убит в Москве в своей комнате при школе тремя выстрелами в упор из револьвера. Убийца — курсант Московской пехотной школы

им. Уншлихта Лазарь Коленберг. Следствие констатировало, что идея об убийстве возникла у него как реакция на репрессии белыми еврейского населения в городе Николаеве. Одной из их жертв был родной брат Коленберга, за которого отомстил Лазарь. Психиатрическая экспертиза признала Коленберга в момент совершения преступления невменяемым. Дело сдали в архив, оно до сих пор не рассекречено, Л. Коленберга выпустили на свободу.

Скорее всего Я.А. Слащов стал одной из первых жертв репрессий в СССР против военспецов из РККА — бывших генералов и офицеров императорской армии. На это указывает, например, то, что Коленберг мог давно убить Слащова, который жил на частной квартире без охраны, но сделал это внезапно после долгих лет пребывания того в Москве. Подозрительна версия о коленберговской «личной мести» и потому, что она как бы случайно совпала в 1929 году с началом массовых репрессий против военспецов, которых снова стали звать «буржуазными специалистами». Репрессии обрушились как раз на тех, кто возвратился из эмиграции, служил в лейб-гвардии, воевал за белых. До 1937 года таких императорских военных было ликвидировано около четырнадцати с половиной тысяч. По делу «Весна» или «Гвардейскому делу» о военспецах только в Ленинграде в мае 1931 года их было расстреляно свыше тысячи человек.

Точную подоплеку убийства Я.А. Слащова пока не удастся выяснить. Поэтому завершим очерк его судьбы теми словами, которые бывший белый генерал сказал перед возвращением в Отечество:

«Если меня спросят, как я, защитник Крыма от красных, перешел теперь к ним, я отвечу: я защищал не Крым, а честь России. Ныне меня зовут защищать честь России, и я еду выполнять мой долг, считая, что все русские, военные — в особенности, должны быть в настоящий момент в России».

Владимир Черкасов-Георгиевский

КРЫМ
в 1920 году

Введение

В настоящее время в печати появляется много мемуаров, исследований и статей о событиях 1918–1920 гг., когда русский народ переживал великую драму гражданской войны. Многие из авторов облачают себя в беспристрастную тогу историка, претендуя на абсолютную верность своих взглядов и суждений. Лично я на это не претендую. Человек, переживший бурный период, беспристрастно его описывать не может. На все его изложение ляжет отпечаток его личных воззрений и впечатлений. Поэтому я, приступая к своим запискам, заранее предупреждаю читателей, что все изложенное будет пропитано моими настроениями и моей идеологией, потерпевшей страшный излом за это бурное время.

В изложении фактов, конечно, я буду придерживаться полной правдивости, но освещение их будет носить следы моей прежней идеологии, изжить которую мне удалось лишь в самое последнее время, когда у меня открылись глаза и я понял многое, чего не понимал во время переживания излагаемых событий.

Прежде чем приступить к фактам, изложению которых посвящена эта книга, я считаю нужным сказать несколько слов о Добровольческой армии и ее идеологии до Крыма и бросить взгляд на то,

как возникло на юге России движение против Советской власти, приведшее к столь печальным последствиям.

После быховского сидения группа лиц с Корниловым и Алексеевым во главе обосновалась в Новочеркасске на Дону, куда Советская власть еще не проникла. Их цель была — собрать новую армию взамен разложившейся на фронте и продолжать борьбу с германским нашествием, причем большевики рассматривались как ставленники немцев. Короче говоря, идеей, руководившей этими людьми, была борьба за «отечество», которое одно уцелело от триединого лозунга, под которым военные элементы России воспитывались в течение 200 лет. Действительно, если идея «царя» была дискредитирована, то идея «отечества» держалась крепко; она была впитана, так сказать, с молоком матери и поддерживала дух армии за все время Германской войны. И вот теперь она опять должна была выдвинуть массы на борьбу с иноземным нашествием, и прежде всего против Советской власти, которая тоже рассматривалась руководителями Добровольческой армии как иноземный элемент.

Но пошли ли массы на эту новую борьбу? Нет. В Новочеркасске собралась только группа «интеллигенции» в 2000 человек, а народные массы остались глухи к их призыву. Власть трудящихся, провозгласившая вполне понятный массам лозунг борьбы против эксплуататоров, торжествующе двигалась на Дон. 5 января 1918 г. я прибыл в Новочеркасск, где было всего около 2000 добровольцев — юнкеров и офицеров, которые частью шли

«идейно», а частью потому, что некуда было деваться. Во всяком случае, все они были против Советской власти совершенно сознательно.

Эту группу лиц не надо смешивать с позже попавшими в Добровольческую армию лицами из интеллигенции, очутившимися в ее рядах только потому, что жили в районе, захваченном ею. С тем же успехом они служили бы и у красных. Надо сказать, что интеллигенция в массе совершенно растерялась, не отдавала себе отчета в происходящем и принадлежала к партии «И. И.» (испуганный интеллигент).

Алексеев деятельно занялся рассылкой эмиссаров на места, чтобы там поднять восстание. Участь этих эмиссаров была не лучше участи самой Добровольческой армии. Массы за ними не шли. Качество было довольно Советской властью, отнявшей землю у помещиков, и совершенно не желало выступать и часто выдавало агитировавших за «отечество» лиц. Одним из названных эмиссаров, почти единственным, вернувшимся потом в Добровольческую армию со сравнительно крупным отрядом, был я.

Меня отправили в Минераловодский район. Но сколько я ни скитался по горам — ничего не удалось; организуемые восстания срывались. Приходилось скрываться и не входить ни в один дом.

Средств у Добровольческой армии не было никаких. У отправленных на места — тем паче. События большинству были неясны, настроение было ужасно; идея, руководившая действиями, — идея «отечества» — гибла. Скоро в Баталпашинске стало из-